

Деревенская ведьма хочет любви

Автор:

[Берта Свон](#)

Деревенская ведьма хочет любви

Берта Свон

Я попала в тело деревенской ведьмы, да еще и живушей в другом мире. Приворотные зелья, магия, общение с домовушкой стали моей новой реальностью. А тут еще и сны странные начали сниться, с нахальным красавчиком, утверждающим, что я – его невеста. Ну-ну. Пусть помечтает. Ведьма-попаданка так просто не сдастся.

Берта Свон

Деревенская ведьма хочет любви

Глава 1

Я стояла раком на огороде, в широком длинном платье, скрывавшем все мои прелести, и вырывала из земли сорняки. Эти гады, как назло, после вчерашнего дождя, поперли с удвоенной силой. И теперь грядки с луком и морковкой были заполнены травой. На огород, как и на дом рядом, была наложена магическая защита, так что я не боялась, что кто-нибудь увидит меня в неподобающей для деревенской ведьмы позе.

Спина затекла, ноги болели, но оставалось совсем немного, каких-то три грядки, а потому я упорно продолжала «развлекаться» на огороде. Руки в матерчатых

перчатках совершали привычные движения, уничтожая гадкие сорняки. Можно было бы, конечно, применить магию, но тогда оставался риск быстро распрощаться с фигурой. А я любила то тело, в которое попала год назад. Фигуристое, молодое, ладное, оно привлекало внимание мужчин деревни ничуть не меньше, чем лицо. То тоже радовало глаз, и посторонний и мой собственный. Ведьма, симпатичная, яркая, – вот что отражалось в зеркале, когда я в него смотрела. И чтобы не зарастать жиром, я старалась пользоваться магией не так часто, большую же часть работ и в огороде, и в доме выполняла самостоятельно.

Я разогнулась, схватилась за поясницу, помянула незлым тихим словом все типы сорняков, известные в этом регионе, и кое-как доползла до очередной грядки. Ничего, ничего. Вот вырастут скоро и морковка, и лук, и я вознагражу себя за все труды. С этими мыслями я снова склонилась над грядкой. Ну, проклятые гады, идите сюда.

Добив минут через сорок-пятьдесят последний сорняк на последней грядке, я походкой земной бабы Яги поплелась в дом. Сейчас кофе бы, да с зефиром в шоколаде... Эх, мечты. Что то, что другое осталось на Земле. А я – здесь, в теле Арины, деревенской ведьмы. Впрочем, ей самой, попавшей в мое земное тело, не слаще придется. И тут уже не знаешь, кого из нас жалеть. Я-то хоть в свое время фэнтези о попаданцах начиталась, быстро разобралась, что к чему. А Аринке тяжело. Попробуй привыкни к земной технике.

По утоптанной тропинке между грядок я дошла до домика, небольшого, двухэтажного, сложенного из дерева, потянула за дверь, перешагнула порог.

Меня встретил обалденный запах свежесваренного борща. У деревенской печи хлопотала невысокая полная домовушка Глашка. Она и готовила, и убирала, и закрутками на зиму занималась. Настоящее подспорье для городской меня.

– Глаша, ты меня балуешь, – пошутила я, помыв руки под струей воды в раковине. – Вот сейчас как наемся, в дверь влезать перестану.

Глашка повернулась от печи и окинула меня насмешливым взглядом.

– Чтобы в дверь не влезать, тебе ведро блинов за сутки съесть надо. А ты все фигуру блюдешь.

От Глашки не утаилось перемещение наших с Ариной душ, она знала, кто перед ней, и успела нахвататься у меня земных словечек, которыми порой щеголяла при разговоре с деревенскими домовыми, вводя их при этом в ступор.

- Так сама ж говоришь, что мне жених нужен, - отшутилась я и уселась на деревянную табуретку возле накрытого скатертью обеденного стола, - а в деревне девки почти все фигуристые, но не толстые. Растолстею - не возьмут меня замуж.

- Нужны тебе те деревенские, - презрительно проворчала Глашка, - ты девка умная, городского охомутать сможешь.

Я только хмыкнула. Городского, как же. До ближайшего города нужно было ехать километров двести, не меньше. Сами городские у нас не показывались. Так что мечтам Глашки выдать меня за кого-то побогаче и познатнее сбыться не суждено. Но говорить ей об этом смысла нет: рука у Глашки длинная, глаз острый. Попадет мне полотенцем по макушке, а то и по шее заехать может воинственная домовушка. Знаем, проходили.

Низкорослая, крепко сбитая, Глашка таинственным образом умудрялась при необходимости достать даже до потолка, по которому не раз гоняла тем же полотенцем мух. Ее глаза меняли цвет в зависимости от настроения хозяйки. Сейчас они были голубыми, а значит, Глашка довольна жизнью.

Черные как смоль волосы она обычно прятала под косынкой или платком, в зависимости от времени года. Носила она всегда или платье, или сарафан темных цветов, на ногах - неизменные лапти. В общем, настоящая представительница семейства домовых.

- Зойка заходила, - между тем сообщила Глашка, вернувшись к печке. - Стучала в калитку. Приворотное зелье хочет.

- А ты откуда знаешь? - не поняла я. Клиенты ведьмы обычно не кричали на всю улицу, за чем пришли.

- Да что там знать, - проворчала Глашка, - она вчера на вечерних гуляках все к Витьке, кузнецу, липла. А он с Аньки, старостиной дочки, глаз не сводил. Папаша Аньке платок шелковый подарил, вот она в нем и вышла. А Витьке монетки

лишние ой как нужны. Так что не быть Зойке Витькиной бабой. Бьюсь об заклад, по осени он с Анькой свадьбу сыграет.

Я промолчала. Прямота Глашки порой сильно меня коробила. Не сказать, чтобы я жалела Зойку или сочувствовала Витьке, у которого недавно случился пожар и выгорело все подворье, хорошо, без жертв обошлось. Но в пересказе Глашки все эти события звучали слишком цинично, что ли.

Глашка между тем закончила варить борщ, налила половником в железную миску борщ и с помощью матерчатых ухваток перенесла ее на деревянный кругляш на столе, поближе ко мне.

– Ешь, – буквально приказала она, подавая деревянную расписную ложку.

Я только хмыкнула и принялась за еду.

Глава 2

Наше с Аринкой попаданство произошло в лучших традициях фэнтезийных книг – внезапно, в нашем случае – во сне. Я, Светлана Викторовна Артурова, засыпала в своей постели в многоэтажке в мегаполисе, а проснулась в деревне, в бревенчатом домике. Первые дни был шок. Я вроде и поверила, что все реально, не розыгрыш – Глашка популярно объяснила, в том числе и полотенцем по загривку. Но все равно рефлексивно я ждала звонок мобильного от раздраженного моим прогулом начальства или гудок машины, с кем-то не поделившей парковку под окном. Но увы. Все. Что мне было доступно, – это редкое общение во сне с Аринкой. Она-то мне и объяснила, что у попаданцев билета в обратный конец не бывает. А на мой вопрос, что вообще произошло, ответила:

– Только боги знают.

Боги если и знали, то упорно молчали. Так что пришлось постепенно привыкать к новой жизни. Благо два источника информации в лице Аринки и Глашки подсказали, как с кем общаться, какие заклинания использовать, чтобы ничего

тут не разнести, и чем вообще нужно заниматься ведьме. В этом мире магия принадлежала телу. И я, переместившись в ведьму, обнаружила в себе умение колдовать. Причем я точно знала, какое слово произнести и каким движением его сопроводить. И такие знания существенно облегчали мне жизнь.

Я отвлеклась от мыслей и обнаружила, что борщ почти доеден. Отлично. Еще пара ложек, и можно идти за занавеску, отгораживавшую общую комнату с печкой и столом от жилой комнаты, заодно игравшей и роль кабинета. Именно там я принимала деревенских с их проблемами, которые может решить только ведьма. И там же я засыпала каждую ночь, вымотанная домашними делами.

Минут через пять-семь после того, как я закончила есть борщ, в калитку перед домом постучали. Аккуратно так постучали, вежливо, знали, что если Глашка не в духе, то можно и лягушку за шиворот схлопотать.

– Снова Зойка, – доложила Глашка, чуть прищурившись. – Вот же слабая на передок баба. Не может без мужиков.

– Так она ж вроде по Витьке сохнет, – удивилась я, делая очередной глоток ароматного, свежесваренного чая.

– Сохнет по Витьке, а в постели у пары других уже побывала, – проворчала Глашка и щелкнула пальцами. – Открыла я калитку. Сейчас здесь будет.

Я с сожалением посмотрела на две баранки с маком, сиротливо лежавшие на глиняном блюдце, вздохнула и приготовилась встречать незваную гостью.

Глашка растворилась в воздухе – домовым чужим людям показываться нельзя, только хозяевам. Иначе якобы быть беде. Причем неизвестно, с кем беда случится. Зная Глашку, я поставлю на гостя.

Секунд пятнадцать-двадцать, и вот уже стук повторяется, только на этот раз в дверь дома.

– Войдите, – крикнула я, неохотно поднимаясь из-за стола.

Зойка, девка фигуристая, этим летом отпраздновавшая свое девятнадцатилетие, по меркам крестьян считалась уже перестарком. И ходить ей в девках оставалось год-полтора минимум. Потом – все, начнут звать и за спиной, и в глаза, подгнившим яблочком, нагло ухмыляться. Каждый второй станет на сеновал звать. Незавидная судьба. Мне, ведьме, в свои двадцать пять этого можно было не бояться: пара взглядов с молниями в глазах, и вся деревня шутников приведет на расправу, да еще и с поклоном мне в руки передаст. Делай, матушка ведьма, с ними, что хочешь, только на деревенских не гневайся. Знаем, проходили уже недавно.

– Светлого дня, матушка ведьма, – в пояс поклонилась одетая в цветастый сарафан Зойка. Не толстая, но плотная, высокая, круглолицая, с русой косой до пояса, большими голубыми глазами и румяными щеками, она могла бы выскочить замуж еще в том году, если бы по кузнецу не сохла, – прошу, помоги беде моей.

Я театрально вскинула черные густые брови. Уступая Зойке и в росте, и в весе, я, кареглазая шатенка, смотрела на нее с понятным нам обоим превосходством. Это с каких пор отказ мужика бедой считается? Нет, нет здесь феминисток. Они научили бы народ «правильной» жизни.

– Ты уверена, что способна расплатиться с ведьмой? – специально запугивая дурынду Зойку, холодным тоном спросила я.

Та побледнела, потом покраснела, снова побледнела, затравленно оглянулась на входную дверь, испуганно сглотнула, перевела взгляд на меня и прошептала:

– Да...

– Ну проходи, – усмехнулась я и повела рукой в сторону занавески.

Зойка шла к заветной комнатке с лицом приговоренного к четвертованию, не меньше. Вот спрашивается, зачем идти к ведьме, если сама до конца не решила, нужен ли тебе тот мужик вместе с приворотом? А если решила, то для чего бояться? В общем, ответа у меня не было.

– Открывай занавеску, не бойся, – хмыкнула я, – кроме меня, других чудищ в комнате не будет.

Пространство хохотнуло голосом Глашки, оценившей мою шутку. Зойка слилась цветом лица со свежее побеленной стеной, но а трясущейся рукой все же отдернула.

Я дождалась, когда она окажется в комнате, и в два шага догнала ее, задернула за собой занавеску, повернулась к Зойке.

– А вот теперь в подробностях рассказывай, зачем тебе ведьма понадобилась.

И в театральном жесте я свела брови к переносице.

Глава 3

Моя рабочая комната представляла собой просторное светлое помещение с широким окном, занавешенным нежно-бежевыми занавесками.

Вся мебель – деревянная, как и положено в этом мире. Никаких изысков или отличий от деревенских домов.

У окна – стол с разложенными на нем всевозможными атрибутами ведьмы. Большая часть – декорации вроде засушенных лапок мышей, чучел лягушек, мензурок с непонятной темно-лиловой жидкостью и нескольких талмудов в черной кожаной обложке. По обе стороны от стола – две табуретки.

Сбоку – кушетка, довольно широкая, служившая мне заодно и кроватью. По углам комнаты – гербарий из высушенных трав. И небольшой шкафчик с химическими ингредиентами и разных цветов камнями. Под ногами – однотонная серая циновка.

Все. Ничего больше. Но и то, что было, обычно впечатляло крестьян по самое не могу. Вот и Зойка переступила порог комнаты и замерла соляным столбом.

– Садись, – кивнула я на табурет, обходя посетительницу и усаживаясь на табуретку с другой стороны стола. – Рассказывай, что за беда с тобой

приключилась.

Зойка помялась, но все же уселась.

– Матушка ведьма, – начала она, и я мысленно хмыкнула: «Спасибо, хоть не бабушка», – мне бы зелье приворотное, да такое, чтобы он в меня сразу... того, – щеки Зойки стали красными, как помидор, – ну... навсегда...

– Зелье приворотное? – уточнила я. – А ты помнишь, что каждый из нас должен быть полностью властен над своими чувствами?

Зойка покраснела еще больше, теперь, наверное, еще и от страха, так как за использование приворотного зелья по головке ее ни односельчане, и нам кузнец по головке не поглядят. И не со мной, ведьмой, пойдут разбираться, а Зойке дегтем ворота измажут.

– Помню, матушка ведьма, – тем временем пробормотала Зойка. – он любит меня, я знаю, мне бы только подтолкнуть его.

Идиотка. Да еще и безответно влюбленная.

Я потянулась к одной из мензурок, несколько секунд подержала ее в руках, затем протянула Зойке.

– Два каравай хлеба, три крынки молока, одна курица, ошипанная. Все положишь на ступеньки моего дома не позже этого вечера.

– Спасибо, матушка ведьма, – длинные женские пальцы жадно схватили мензурку, – спасибо, все принесу в срок. Спасибо...

Минута-полторы, и только входная дверь хлопнула. Зойка бежала так, что пыль из-под ног вилась.

– И что ты ей дала? – появилась Глашка.

– Общеукрепляющее средство, – фыркнула я. – Станет Витька здоровым боровом, как только в себя все опрокинет.

– А приворотное?

– Глаш, я не Аринка, людей не травлю. Хочется Зойке, чтоб ее любили, пусть сама мужика добивается, а не по ведьмам бегаёт.

Глашка неопределенно хмыкнула и отправилась в общую комнату, совмещенную с кухней. Я осталась в своей комнатухе.

Приворотное зелье? Нет, конечно, память тела помогла бы мне приготовить и его. Но лишать кузнеца права выбора я не желала. Терпеть не могу, когда меня заставляют. Думаю, и Витька такой же. Пусть сам выбирает из двух баб. Может, вообще третью выберет.

А Зойка с претензиями не придет. Все прекрасно знают: если человек любит по-настоящему, ни одно приворотное его не возьмет. Чушь, конечно. Аринка рассказывала мне во сне, что можно приготовить средство любой силы. Но в данную минуту эта народная вера в силу настоящей любви была мне только на руку.

Развлечений в деревушке практически не было. Попойки, драка стенка на стенку, сплетни, изредка посещение каких-нибудь скоморохов или местных цыган, которые становились обозом за стенами деревни. А потому тут каждый ухитрялся развлекаться, как только мог. Я, когда у меня появлялось свободное время, читала. Вот и сейчас я взяла со стола один из талмудов, раскрыла его и начала освежать свои знания в зельеварении. Пока что я изучала теорию, не собираясь без особой надобности переходить к практике. Никому от того, что я приготовлю зелье для улучшения урожая, лучше не станет. Еще не известно, как отреагирует магия на мое вторжение. Все же я не Аринка. У нас с ней и мысли, и чувства, и отношение к миру – дав все разное.

«Приворотное зелье, – читала я, – бывает трех видов, в зависимости от силы и степени нужного приворота. Самое простое может приворожить объект на сутки-двое. Этого времени обычно хватает для зачатия от объекта или для сцен ревности с его настоящей половиной. Второй тип – возможность приворожить объект на срок до трех месяцев. Потом объект вспоминает о своей прежней жизни. И здесь уже тот, кто привораживал, должен думать сам, как ответить на возможные обвинения. Третий тип, самый сильный, требует от ведьмы всех ее умений. Объект привораживают на всю оставшуюся жизнь. Если ведьма

неопытна, то в результате может выйти безвольная кукла, не имеющая ни мыслей, ни чувств, ни воли. Оболочка от прежнего объекта».

Вот так. Три вида. Аринка рассказывала, что есть и четвертое, запрещенное к созданию без приказа главы государства. Тогда можно приворожить не только объект, но и всех его родных и ближайших потомков. Говорят, именно таким способом императоры разных стран добиваются верности от аристократических верхушек. Аринка при дворе не бывала, утверждать или опровергать этот слух не могла, но уверяла, что в теории подобное возможно.

Глава 4

Читала я не особо долго, чуть больше пары часов. Когда за окнами начало смеркаться, я отложила книгу и вышла в общую комнату. В этом мире, кроме свечей, можно было освещать комнату магическими шарами, но они требовали подпитки от источника магии. Причем, чем чаще их использовали, тем чаще нужно было подпитывать. В домах крестьян часто использовались даже не свечи, а лучины, дававшие очень тусклый свет. Магический шар могли себе позволить только богатые или хотя бы зажиточные существа. У Аринки он был. Но мы с Глашкой, экономя его заряд, пользовались им редко, предпочитая зажигать две-три свечи, обходившиеся дешевле. Читать при таком освещении было трудно, особенно мне, привычной к нормальному свету. А потому по вечерам мы с Глашкой обычно находились вдвоем в одной комнате и при свете свечей разговаривали. Я рассказывала ей о нравах на Земле, она обучала меня жизни в местном обществе.

Вот и сейчас мы с ней уселись за столом, на котором на блюдцах стояли две толстых свечи. Глашка недавно поставила пузатый самовар, обычный, не декоративный, топившийся дровами, и мы стали чаевничать. Горячий ароматный чай на травах, пирог со сладкой начинкой, ватрушки с творогом – в общем, жизнь была прекрасна даже в магическом мире без земных удобств.

– В Гродино ярмарка через неделю, – сообщила Глашка, многозначительно глядя на меня.

– И? – не поняла я. – При чем тут мы?

Гродино был ближайшим к нам городом, не особо крупным, на тридцать-сорок тысяч существ, но для деревни просто мегаполис. Три-четыре раза в год там устраивались ярмарки, на которые съезжали купцы со всей округи.

- Ты, - поправила меня Глашка. - Ты тут точно при чем. Поедешь, развеешься, с богатыми и неженатыми мужчинами познакомишься.

Я порадовалась, что успела проглотить кусок ватрушки, иначе точно поперхнулась бы.

- Сводня, - обвинительно заявила я.

- И пусть, - пожала плечами Глашка. - Ты девка молодая, красивая, умная. Замуж тебе надо.

- Глаша.

- Что? Все нормальные ведьмы в этом возрасте замуж выходят, детей рожают. Силу свою надо кому-то передать.

- Мне и так хорошо.

Лежавшее до этого на столе полотенце, мирно лежавшее, замечу, взвилось в воздух и хлопнуло меня по затылку. Я только поморщилась.

- Не дерись. Не хочу я замуж. Да и не за кого.

- В древне - не за кого, - согласилась Глашка. - А в Гродино точно кого-нибудь себе присмотришь.

- Ну хорошо, - фыркнула я, - даже если присмотрю, как ты себе это представляешь? Допустим, будет купец. Он живет в другом месте. У него свое дело, свой дом. А я куда? К нему? Так ты сама говорила, что деревня без ведьмы не живет.

- Он к тебе, а по делам всегда можно самому ездить.

- Угу. И в поездке других баб трахать. Ай! Глаша!

Полотенце хлопнуло снова, теперь уже сильнее.

- Заговоры есть специальные, на верность. Тебе Арина и рассказать, и показать может.

- А, то есть о доброй воле существа мы забываем? Это же то же самое, что и приворот. Нет?

- Ты, Светка, умная слишком. А здесь сердцем живут, не умом, - выдала Глашка.

- И изменяют друг другу тоже «сердцем».

Разговор зашел в тупик. И мы сосредоточились на остывавшем чае, пироге и ватрушках.

Спать легли довольно рано: Глашка - в закутке за печью, я - на кушетке в соседней комнате.

Ночью ко мне как обычно пришла Аринка. Она попала в мое земное тело, и сейчас на меня смотрела веселая крупная пампушка ростом примерно метр семьдесят, весом под сто кило, если не больше. Яркая брюнетка с синими глазами, она приснилась мне в каком-то длинном платье, облегавшем фигуру. Смотрелось на мой взгляд не очень, но сама Аринка от подобных моделей балдела.

- Я сожгла еще один тостер, - сообщила она вместо приветствия.

- Это какой по счету? - полюбопытствовала я. - Третий или четвертый?

- Пятый. Но Андрюша не против.

Еще бы он был против. Андрей, мой сосед по лестничной площадке, был единственным человеком на Земле, догадавшимся, что с соседкой творится что-то не то. После нескольких дней наблюдения он припер Аринку к стенке,

выслушал совершенно бредовый рассказ о переселении душ и, как ни странно, поверил в сказанное. Теперь они живут вдвоем, спят в одной постели и планирую пожениться. Судя по тому, что рассказывает Аринка, Андрей в ней души не чает. Бывшая ведьма бросила мою работу и занялась тем же, чем и в этом мире – колдовала. Без силы, правда, но зато со знаниями. Ее привороты-отвороты-гадания приносили неплохой доход. Андрей, бизнесмен средней руки, тоже зарабатывал вполне прилично. Так что сожженный тостер проблемой не был.

- Меня Глашка замуж выдать пытается, – выложила я свою новость.

- За деревенских, что ли? – удивилась Аринка. – Так там не за кого.

- В Гродино на ярмарку отправляет. Без жениха, говорит, не возвращайся.

- Так съезди, – пожала плечами Аринка, – развейся.

Я только скривилась. Вот что мне, бывшей жительнице мегаполиса, делать в небольшом городке, пусть и на ярмарке?

Мы с Аринкой поболтали еще немного, а затем она исчезла. Обычно я или продолжала досыпать, или просыпалась в своей постели. Но не в этот раз.

Глава 5

Я оказалась в полутемной комнате, освещаемой десятком-двумя свечей, судя по обстановке, спальне. Посередине – большая кровать, на которой могли бы поместиться пять-семь очень крупных существ типа троллей, рядом с ней – стол и два кресла, в одном из углов – шкаф, окно полностью занавешено, в общем, кто-то явно пытался придать романтическую обстановку помещению. Но как по мне, все вокруг больше походило на шикарную камеру одиночного заключения, а не на спальню, поджидавшую любовников. Слишком темно и мрачно смотрелось все вокруг.

А еще это был наведенный сон, то есть возник он в моем сознании не просто так, а определенно по чьему-то изощренному желанию.

– Ну здравствуй, милая, я дождался, – передо мной, как из-под земли, вырос высокий хорошо сложенный мужчина, причем совершенно голый. И возбужденный. – Начнем?

– Вы кто? И что начнем? – мысленно я, по совету Аринки, разбиравшейся в наведенных снах, поставила вокруг себя монолитный забор, а там, где должна была быть калитка, появилась фига.

– Я твой жених, красавица, – улыбка незнакомца стала такой сладкой, что грозила переизбытком сахара любому, кто на нее купится.

Увы, я никогда не умела хорошо видеть в полумраке, а потому внешность мужчины в подробностях рассмотреть не получилось. Высокий, мускулистый, широкоплечий, коротко стриженный, с членом наперевес. Вот, собственно, и все, что было мне доступно. Ни цвет глаз, ни цвет волос, ни какие-нибудь черты лица, кроме раздвигавшихся в улыбке губ, разглядеть не удалось.

Между тем так называемый жених попытался проникнуть в мое сознание и недовольно поморщился:

– Как грубо. Я к тебе с всей душой. А ты...

– Пока что я вижу только тело, – парировала я. – И вам никто не давал доступ в мой мозг.

– Ведьма, значит, причем неслабая, – задумчиво пробормотал жених, заставив меня удивиться. В каком смысле «значит»? Он что, не знает, кого затащил в свой сон и к кому набивается в женихи? Совсем инкубы обнаглели.

Я не сомневалась, что в данный момент нахожусь во сне у инкуба. Только они, ходяки через миры, могли так нахально появиться в любом сне и предложить заняться любовью. Мне уже предлагали. Дважды. Правда, женихами при этом себя не называли. И очень обижались, когда я их посылала на вершину их собственного орудия.

– А вы каждой своей потенциальной любовнице называетесь женихом? – решила внести ясность.

– Ну что ты, милая, – в голосе незнакомца послышались бархатистые нотки, – я и правда твой жених. Судьбой привязанный. Слышала о таких, надеюсь?

Слышала. И очень сильно материлась, когда Глашка рассказала мне об этом местном «извращении».

Богиня судьбы любила играть с теми, кто здесь жил. И помогала ей в том богиня любви. Развлекались они таким способом. То гном дриаду полюбит, то тролльчиха – эльфа. И сидят две богини, наблюдают, как выпутаются существа из ловушки чувств. Хорошо, если мозг у обоих в паре имелся, и тогда та же тролльчиха, пострадав, оставляла эльфа в покое и выходила за тролля. А если нет, то гном, например, мог всю жизнь дриаду преследовать, свои чувства ей навязывать. И плевать, что вместе они быть не могут по различным причинам.

Но здесь все же имелась хоть какая-то свобода воли. А вот если судьба привязывала двоих друг к другу, то все, туши свет. Какие там чувства. Инкуб с русалкой? Да запросто. Как это, где они будут жить? Да где хотят. В каком смысле, им нужны разные половые партнеры? Вот еще, пусть извращаются, как хотят.

В общем, я материлась, а Глашка уверяла, что это все мои иномирные заморочки. Здешние же жители спокойно сосуществуют друг с другом, как повелели боги.

Судьбой связанная пара считалась истинными, избранными, как угодно это можно назвать. Как только судьба связывала двоих в пару, у каждого из них начинало ныть сердце, словно требуя присутствия второй половины, а на руках появлялись разные метки, подчеркивавшие парность союза. Естественно, меньше всего я желала стать частью такой пары, а потому довольно резко ответила:

– Никаких чувств у меня к вам нет, меток на руках – тоже. Так что если мы и связаны судьбой, то исключительно в вашем воображении. А сейчас отпустите меня. Иначе прокляну. Сильно.

И пофиг, что из всех проклятий я наизусть выучила только одно: проклятие острого поноса. Я готова была применить и его, если эта наглая сволочь не выпустит меня из наведенного сна.

– А ты горячая штучка, – в голосе незнакомца послышалось одобрение. – Я не имею привычки лгать, милая. Сейчас отпущу. Но скоро приду за тобой. Готовься.

Миг – и я очутилась на кушетке в своем кабинете. Выматерившись про себя, я поднялась и направилась во двор – приводить себя в порядок. Конечно, кое-какие удобства были и в доме, в закуске. Но сейчас еще тепло, конец лета. Почему бы не воспользоваться погодой и не побывать лишний раз на свежем воздухе...

Минут через двадцать-тридцать я, в домашнем платье темно-синего цвета, уже сидела за столом напротив Глашки и пила горячий чай со свежими ватрушками. Ни Глашке, ни Аринке я решила о наведенном сне не рассказывать. Они обе так и стремятся выдать меня замуж, как будто это единственная цель в жизни, а потому только обрадуются такому положению дел и начнут активно подталкивать к встрече с этой якобы половинкой. А мне это не надо, не сейчас так точно.

Глава 6

После чая настала пора работы в саду.

– Скажи мне, что ночью не было дождя, – проворчала я, поднимаясь из-за стола.

Глашка фыркнула:

– Ты с такой силой борешься с этими сорняками, как будто они лишают тебя последней корки хлеба.

– Ненавижу беспорядок на грядках.

– От пяти-семи травинок урожай не исчезнет.

Может, и так. Но после сытной кормежки у Глашки мне жизненно необходима была физкультура. Поэтому я вышла из дома в том же платье, что и была, по пути прихватив рабочие перчатки. Битва за огород началась.

Впрочем, воевать оказалось особо не с кем. Десять одиноких травинок на разных грядках выглядели жалко и всем своим видом буквально молили о пощаде. Увы, я была безжалостна. Разогнувшись через несколько минут, я скептическим взглядом окинула участок. Травы не было. А вот яблоки на деревьях в саду вполне можно было срывать. Аринка, еще до попадания на Землю, что-то сильно намагичила здесь, и потому земля ведьмы могла давать до трех урожаев в год. Если, конечно, не забывать о поливке и подпитке магией. Поленившись идти в дом, я щелкнула пальцами, и ко мне переместились из сарая сразу две больших плетеных корзины. Ну что, яблоки, готовьтесь, скоро вы станете вареньем. А уж яблочное варенье Глашка готовит – пальчики оближешь.

Первое, второе, третье, пятое, десятое – яблоки шустро падали в корзину, их становилось все больше. Крупные, сочные, сладкие, они всем своим видом намекали, что придется воспользоваться магией, чтобы дотащить урожай до кухни.

Первая корзина набилась доверху, пришлось брать вторую. Когда и она была набита, я осмотрела «поле сражения», удостоверилась, что там осталось не больше десяти яблок, и щелкнула пальцами. Две корзины и оставшиеся яблоки переместились в дом. Следом раздался вопль Глашки. Похоже, я опять что-то намудрила с заклинаниями...

Что именно, я узнала, когда вернулась домой, по двум шишкам на голове Глашки и ее злобному виду.

– Глаш, я нечаянно, – вспомнила я земные мультфильмы и попыталась округлить глаза, чтобы выглядеть как можно жалобней.

Глашка окинула меня раздраженным взглядом, не поверила ни единому слову и заявила:

– Тебя у Славки ждут. Мазь Аграфене отнесешь. Лично.

Я испуганно икнула.

Славка был одним из домовых деревни. Они с Глашкой любили поболтать вдвоем. Хозяйка Славки, Аграфена, слыла бабой болтливой, злобной, глазливой и наглой. Обычно Глашка, жалея мою нервную систему, передавала нужную Аграфене мазь через Славку, по своим каналам. Но сегодня мне не повезло...

Шишки со лба Глашки уходить не спешили, а потому мне пришлось идти в свою комнатку и переодеваться для прогулки к Аграфене. Вот еще приключение на мою голову. Аграфена уверяла всех, что страдает от ревматизма, но, как по мне, единственной ее болячкой был скверных характер.

Я достала из потайного шкафа, не видимого никому из посетителей, светло-голубое длинное платье, сшитое из плотной ткани. Хотя на улице еще сохранялась летняя погода, ветерок ощущался вполне осенний. И я не хотела простудиться, пока буду добираться до деревни. Пусть Аграфена и жила на самой околице, но идти до нее нужно было минут пятнадцать. Достаточно времени, чтобы подхватить простуду, а потом слушать ворчание Глашки о моей безмозглости.

На ноги – туфли-лодочки зеленого цвета, на голову – синяя шляпка с широкими полями. Этакая ведьма-модница.

Я взяла с собой плетеную сумку желтого цвета, положила туда два пузырька с мазью от ревматизма – Аринкины запасы скоро должны были подойти к концу – и с видом осужденного на смертную казнь вышла в горницу.

Глашка хлопотала у плиты. Моим видом она не прониклась. Глубоко вздохнув, я вышла из дома, а через пару минут и за калитку. За воротами дома пели птицы. Аринка поставила свой дом на поляне в лесу, с помощью магии разбила и сад, и огород. Я, боясь диких животных, старалась поменьше высовывать наружу нос.

– Да не тронут они тебя, – ворчала Глашка каждый раз, – ты же ведьма, они чувствуют твою магию. Думаешь, медведю или волку жить надоело? У них инстинкт самосохранения развит лучше, чем у людей.

Не знаю, что там с инстинктом самосохранения у животных, а вот я трусила невероятно.

Но идти надо было. Ведьма обязана откликаться на просьбы жителей деревни. Конечно, если эти просьбы не будут во вред ближним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/svon_berta/derevenskaya-ved-ma-hochet-lyubvi

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)